«Янтарное ожерелье»

Н. Ф. Погодин известен советскому читателю как талантливый драматург. Темы его пьес всегда актуальны и одинаково захватывают читателя и зрителя назревшими жизненными проблемами. Поэтому не случаен тот интерес, с которым встречен и первый роман Н. Ф. Погодина «Янтарное ожерелье», опубликованный в нынешнем году в журнале «Юность», а также в «Роман-газете» № 13.

Тема произведения — воспитание советской молодежи — как нельзя более злободневна. Героиня романа — девятнадцатилетняя Ира Польшкова недавно закончила десятилетку и ищет свое место в жизни. В газетах она не раз читала «о светлых свершениях мечты и о большом вступлении в жизнь». Но школа не вырабатала в Ирочке самостоятельности, не закалила ее физически, не привила ей элементарных трудовых навыков. Поэтому-то не большаком начался ее грудной путь, а малозаметными извилистыми тропинками: не прижилась она в шляпной мастерской, растерялась и на шинном заводе.

И вот девушка снова в рабочем кругу — среди пескоструйщиков. И здесь вместо «светлых свершений» — желтоусый бригадир с бесцветными глазами, прозрачно намекающий: «С тебя причитается». Косятся на новую подсобницу члены бригады: слишком выделяется та и одеждой, и внешним видом, и поведением.

Личная жизнь представлялась Ирочке не иначе, как в голубых и розовых полтонах. Она мечтает о человеке, с которым бы могла идти рука об руку до конца своих дней. «Ей снится герой ее романа, придуманный в школе. Он обладал светлой красотой и был мужественно великолепен, изящно одевался, умел хорошо вести себя в обществе».

И вот ее герой явился. Но как далек он от Ирочкиной мечты, этот Володька — пескоструйщик, грубый,

малограмотный парень, который не прочь и «пропустить» четвертинку, и побуйнить. Володька далековат и от общественных интересов, не хочет читать газет. Недостаточно высокий культурный уровень и у некоторых его «сокоечников» по общечитию. Так, Сережку Чувиллина «по мелкому счету жизни» тянет работать в ресторан с его «сказочной» атмосферой. Для Емельяна Пряникова верхом счастья представляется женитьба на даме с комнатой. Тихону Страйникову обязательно хочется стать «начальником», все равно каким.

«За что их судить?» — резонно замечает автор. «Молодость, несолидность. Чепуха! А главное, что всем им осточертело кочевать по казенным общежитиям, где весь твой дом — койка... Неустроенность! Вот горе. К тому же сиротство, бесемейность». Действительно, кованым сапогом войны оказалось растоптанное детство и юность таких ребят. Живи они не в нашем, социалистическом обществе, а в какой-либо из стран капиталистического Запада, изломанной оказалась бы и вся дальнейшая их жизнь.

Но Советское государство не оставило в беде осиротевших мальчишек и девчонок, помогло встать на ноги. С каким презрением тот же Володька относится к Пряникову, называя его «рабом», «собственником» за любовно-квартирные вождения, за внутреннюю зависимость Емельяна от еще не существующей жены с квартирой. «То, что миллионы таких парней, как Володька, навсегда освободились от власти собственности, было великим делом, которое большевики начали в Октябре».

И все же известная неустроенность в жизни некоторых молодых людей наложила отпечаток и на их сознание, и на их поведение. Писатель подчеркивает, что это воздействие оказалось бы менее ощутимым, если бы оно более умело нейтрализовалось комсомольскими вожакими. Но ведь

подчас политическое просвещение сводится к утомительной читке тезисов, когда не раскрывается жизнь, стоящая за этими тезисами, когда лозунговыми фразами замуровывают повседневные дела, мысли и желания таких работяг, как Володька и его товарищи. Не потому ли у них «выработалась в мозгу защитная пленка, именуемая иммунитетом, к громким и общим словам».

Не всегда обстоит благополучно и с поднятием личной культуры рабочей молодежи. «А ты послушай, как мы говорим между собой, — откровенничал Володька в кругу новых знакомых. — Это же чистое хулиганство. А представители этого не знают, завсегда фиксируют культурный рост. А может, и знают, но все равно фиксируют... Придерживаемся «показухи». И правда, у некоторых общественных деятелей эта «показуха» в крови сидит, для них лишняя «птичка» в плане намеченных мероприятий — непреложное свидетельство процентного роста сознания и культуры.

В романе затрагиваются также вопросы семейного воспитания. Удачно обрисована, например, врач Крохина — одна из тех родительниц, которые пытаются воспитать детей по своему, далеко не лучшему образу и подобию. Любимое присловье Елены Васильевны — «человек умирает, а личное дело остается» — имеет более прозаический подтекст: чем бы ты ни занимался, умей остаться незапятнанным в глазах посторонних. «Ростик с детских лет научился распознавать вопиющее притворство, с которым мать его произносила самые правильные и примерные слова, насколько в них не веря и не собираясь им следовать. С годами он перенял, впитал в себя это притворство и даже усовершенствовал его». Ростик был хорошим спортсменом, но это не мешало ему заниматься коммерческими комбинациями. Его чемодан в полозатом чехле, неплохо приспособлен-

ный для перевозок заграничных винок, как нельзя лучше символизирует мещанские устремления.

Конечно, если говорить о внешней культуре Володьки и некоторых его товарищей, то во многом далеко им до Ростислава. И все же симпатии автора и читателей не на стороне этого «делающего карьеру» маминного сына. Слишком узок круг его интересов, хотя географически поле деятельности его широко. Ростик — это живое воплощение приснившихся Ирочке бумажных цветов: он также глуп и жалок со всей его неумной красотой. А те рабочие парни, о которых мы узнаем в романе, — с другой заправкой. Их образец в жизни — настоящий партийный человек. «Партийный человек, — считал Володька, — прежде всего должен быть хорошим. Он должен относиться к людям по-человечески. Затем Володька хотел у партийного человека что-то почерпнуть».

Но не следует ставить рядом этих рабочих парней — внутренние честных тружеников — с такими типами, как бригадир Дема, который также носит рабочую спецовку, но только не высокое звание рабочего. По своему образу жизни Дема больше напоминает пнявку, присосавшуюся к производству. «Он принадлежал к тем людям, которые перестали быть крестьянами и не сделали истинными пролетариями». Умело обыгрываются его безобразные рыжие усы, как бы символизирующие и всю его манеру «рядиться под что-то, давно не свойственное современной русской деревне», и его безнадежно устаревшую практику отношений со своими подчиненными.

Автор не рассказал нам о будущем своих героев, но он наметил перспективу этого будущего: одни уехали в Сибирь, другие — на целину, третьи на месте нашли свое жизненное призвание. И пусть в их молодой жизни еще немало путаного, верится, что они стоят на правильном пути, никогда не свернут в сторону.

А. МАКСИМОВА,
сотрудник Псковского Дома пионеров

24 ОКТ 1960

ПСКОВСКАЯ ПРАВДА

Псков